

УДК 811.15:811.161.1+398(4/9)

ББК 81.2:81.2РУС+82.3(0)

ЛИЧНОЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ МАЛЫХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Ван И

Южный федеральный университет

PERSONAL NAME IN THE RUSSIAN AND CHINESE MINOR GENRES OF FOLKLORE: LINGUO-CULTURAL ASPECT

Wan Yi

Southern Federal University

Поступила в редакцию 20 февраля 2019 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию антропонимов, входящих в русские и китайские фольклорные тексты. Фольклорная картина мира содержит основополагающие ценности, оценки и стереотипы сознания, отраженные в различных жанрах устного народного творчества. Интерпретация реальных отношений между людьми, аксиологические и этические нормы, связанные с концептуализацией личного имени, находят свое отражение в фольклорной картине мира.*

Цель настоящего исследования – собрать и описать с точки зрения семантики и прагматики личные имена в малых жанрах русского и китайского фольклора, установить специфику фольклорного сознания носителей русского и китайского языка. Актуальность описания не вызывает сомнений, поскольку антропонимы обладают уникальными особенностями формы, передают информацию о национальном менталитете. В русском и китайском фольклоре отражаются разные системы личного именования. В статье используется созданная методом сплошной выборки база примеров личных имен из различных сборников русских и китайских пословиц, поговорок, загадок и других малых жанров фольклора. Установлено, что между китайскими и русскими антропонимами есть общие черты и дифференциальные. Китайская антропонимическая система включает фамилию и имя, а русские антропонимы состоят из фамилии, имени и отчества, причем каждое из представленных составляющих может существовать автономно, обозначая конкретное лицо. Китайские имена, как и русские, имеют свои особенности, которые определяют специфику использования имени в фольклорном тексте. Личное имя в китайском фольклорном тексте отсылает либо к известному литературному произведению, либо к историческому факту или мифу: это может быть имя конкретного персонажа классической литературы, действительного исторического лица или божества. Русские фольклорные тексты часто используют библейские имена, имена православных святых. В текстах русских загадок личное имя святого функционирует не только в отгадке, но и в самой загадке, так или иначе связанной с православной традицией, отражающей религиозную составляющую фольклорного сознания. Русские колыбельные песни, в отличие от китайских, представляют собой определенную схему, модель, в которую можно ввести мужское или женское имя, соответствующее ритму и рифме текста. В китайские колыбельные чаще вводится личное имя, созданное для выражения определенного содержания или общеизвестное, чаще имя персонажа классической литературы. Проблема представления личного имени в русской и китайской фольклорной картине мира тесно связана с пониманием специфики личного имени, установлением особенностей фольклорного сознания, определяемых национальным менталитетом, с межкультурной коммуникацией.

Ключевые слова: *малые жанры фольклора, фольклорное сознание, русское и китайское личное имя.*

Abstract: *the article is dedicated to anthroponyms in the Russian and Chinese folklore texts. The folklore worldview contains the fundamental values, evaluations and stereotypes of consciousness that are represented in various genres of oral folklore. Interpretations of real relationships among humans, axiological and ethical norms, connected with conceptualizing the personal name, are reflected in the folklore world-view.*

The aim of the current research is to gather personal names in the small genres of the Russian and Chinese folklore, describe them from the point of view of semantics and pragmatics, and determine the specifics of folklore consciousness of the speakers of the Russian and the Chinese languages.

The relevance of the description is obvious, as anthroponyms have unique formal features, transmit information about the national mentality. Russian folklore and Chinese folklore represent different systems of personal naming. The article uses a base of examples of personal names, created by the continuous sampling method out of various collections of Russian and Chinese sayings, proverbs, riddles, and other small genres of folklore. It is established that Russian and Chinese anthroponyms have both similarities and differences. The Chinese anthroponymical system includes a family name and a name, while Russian anthroponyms consist of a family name, a personal name and a patronymic, and each of the given constituents can exist autonomously, representing a specific person. Chinese names, as well as the Russian ones, have their characteristics which determine the specifics of their use in a folklore text. A personal name in a Chinese folklore text is linked to either a famous literary work, or a historical fact or myth: it can be the name of a specific character of the classical literature, an actual historical figure, or a deity. Russian folklore texts frequently use Biblical names, the names of Orthodox saints. In the texts of Russian riddles the personal name of a saint functions not only in the answer to a riddle, but in the riddle itself, when it is connected with the Orthodox tradition, representing the religious constituent of the folklore consciousness. Russian lullaby songs, unlike the Chinese ones, represent a certain scheme, a model where a male or a female name can be inserted, if it corresponds to the rhythm and the form of the text. The Chinese lullabies more often have a personal name that represents a certain content, or a well-known one, most often a name from classical literature.

The problem of representing personal names in the Russian and the Chinese folklore worldview is closely connected with understanding the specifics of a personal name, with determining the features of folklore consciousness determined by national mentality, and with cross-cultural communication.

Key words: *small genres of folklore, folklore consciousness, Russian and Chinese personal name.*

Без чего человеку жить нельзя?
(Без имени)

Личное имя собственное, входящее в фольклорный текст, воспринимается в лингвокультурной парадигме этноса как феномен языковой картины мира. В период становления и развития устного народного творчества русское имя содержало указание на то, что носитель его принадлежал определенной социальной среде. Каждое сословие имело общеизвестный набор имен, хотя после принятия христианства существовал единый церковный именник. По словам А. В. Суперанской, «социальные отношения закрепляются за определенными формами именования, причем та или иная языковая форма имени может быть продиктована конкретной экстралингвистической ситуацией» [1, с. 16].

Как показывает исследование малых жанров русского фольклора, в текстах используются личные имена собственные из разных именников, причем прагматика имени определяется не столько принадлежностью к определенному социальному слою, сколько ассоциативными связями имени с известными историческими, религиозными событиями, с другими фольклорными текстами (например, связь пословиц, поговорок и загадок со сказками, народными песнями).

Фольклорная картина мира включает в себя речевые жанры, созданные народом и бытующие в

национальном языковом пространстве. Малые жанры фольклора – пословицы, поговорки, загадки, колыбельные – отражают особенности фольклорного сознания народа. Фольклорное сознание – это особая духовная система, которая включает несколько уровней: мифологический, исторический, религиозный, бытовой и др. Как справедливо замечает И. А. Голованов, «фольклорное сознание представляет собой обобщение, “укрупнение” и упорядочение тех концептов, которые реализованы в фольклорных текстах. Поскольку фольклор является специфической художественно-образной сферой человеческой деятельности, особой формой художественного освоения действительности, фольклорное сознание имеет образную природу. Вокруг образов, составляющих основное содержание фольклорного сознания, группируются мотивы, стереотипы, представления» [2].

Стереотипы сознания разных народов представлены в фольклоре разными образами. В китайском личном имени, в отличие от русского, может содержаться название любого предмета или явления. Существуют различия между женскими и мужскими китайскими именами. В женских, как правило, используются названия цветов, мужские связаны с иероглифами, обозначающими тигра, дракона или

природные явления, которые являются символом мужественности.

Однако существуют общечеловеческие ценности, которые фиксируют малые жанры фольклора, во многом совпадающие в разных лингвокультурах. Например, и в русской, и в китайской фольклорной картине мира личные имена известных людей представляют собой прецедентные феномены, которые служат примером или антипримером в определенных жизненных ситуациях, связанных с характеристикой человека или события.

Вопрос о значении личного имени и его функционировании в фольклорных текстах становится особенно актуальным, когда осуществляется акт межкультурной коммуникации. Антропонимы способствуют преодолению языковых барьеров, при этом они имеют сложную семантическую структуру, образуя множество оценочных форм, связаны с другими единицами и категориями языка, а самое главное – обладают возможностью передать информацию о национальном менталитете. Если не учитывать все эти особенности, то перевод имени с одного языка на другой осложнит процесс идентификации человека, носящего это имя.

Личное имя играет важную роль как в русской, так и в китайской картине мира. «Антропоним в любой культуре представляет собой своеобразный памятник, отражающий историю этноса, специфику языка как знаковой системы и процесс развития языковых закономерностей. Собственные имена, используемые в фольклорном контексте, живут и воспринимаются в лингвокультурной парадигме этноса как прецедентные феномены, как маркеры наивной языковой картины мира» [3, с. 116].

Китайская система антропонимов принадлежит к мифологическому типу. Нельзя не согласиться с Е. А. Хамаевой, что «в мифологии трудно, а порой и невозможно, провести границу между именем собственным и именем нарицательным» [4, с. 9]. Китайское личное имя, как правило, состоит из двух иероглифических знаков, которые пишутся слитно. Список личных имен теоретически не ограничен, в Китае не существует таких канонизированных именников, которые характерны для русской языковой картины мира. Любое слово или сочетание слов могут быть выбраны в качестве личного имени при условии благозвучности и определенной положительной семантики. Часто в имени отражается пожелание долголетия, целеустремленности, успешной карьеры, семейного счастья.

Исследователь китайской антропонимики Ли Чэньчэнь пишет о семантической разнообразности личного имени: «...Невозможно сколько-нибудь полно охватить и классифицировать все существующие его смысловые комбинации. В типичных женских именах

выражаются эстетические взгляды народа, в мужских находят отражение общественные, моральные и сакральные ценности» [5, с. 2]. Китайский антропоним также является единичным наименованием человека, но при этом он может передавать определенные этапы развития личности, ее социальный онтогенез. Например, в зависимости от жизненных обстоятельств человек может взять себе другое имя вместо того, которое он получил от рождения: Лэй Фэн (в китайском традиционном письме – 雷鋒), известный герой, воспитанный Народно-освободительной армией Китая, имел раньше имя Чжэнсин («Чжэн» означает прямой и справедливый характер, «син» – расцвет, развитие), однако изменил его на Фэн, что означает «острый».

Философская сущность фольклорного сознания заключена в основной проблеме, решаемой в содержании различных жанров народного творчества, – это отношение человека к миру. Фольклорное сознание анализирует это отношение с точки зрения коллектива, социума. Как справедливо замечает В. Е. Гусев, фольклорные образы моделируют действительность, но в центре этого процесса находится то, что «за затрагивает интересы не отдельно взятой личности или выделившейся из общего группы, а непременно всего коллектива как целого» [6, с. 219]. Об этой же особенности пишет В. П. Аникин: в фольклоре «выражение общего мировоззрения, общих стремлений свободно от субъективности отдельной человеческой личности и индивидуальных свойств его психики. Берется только то, что присуще всем людям и тем самым годится для них всех» [7, с. 19–20].

Познание картины мира, отраженной в родном языке, представляет собой сложный процесс, поскольку она привычна и незаметна. Мы замечаем особенности своей культуры, только сравнивая ее с иноязычной картиной мира. Это определило цель нашего исследования – собрать и описать с точки зрения семантики и прагматики личные имена в малых жанрах русского и китайского фольклора, установить специфику фольклорного сознания носителей русского и китайского языка.

Достижение цели, обозначенной в публикации, потребовало использования следующих методов исследования, которые наиболее актуальны для установления лингвокультурных особенностей личных имен собственных, функционирующих в фольклорных текстах, а также их прагматического анализа:

– контекстуального анализа, определяемого возможностью извлечения личного имени собственного из фольклорного текста;

– описательный, необходимый для характеристики конкретного языкового явления – определенного личного имени, функционирующего в качестве маркера фольклорной картины мира;

– сопоставительный, предполагающий сравнение русских и китайских фольклорных текстов, установление прагмалингвистических характеристик и лингвокультурной специфики личного имени.

Анализ, типология и обобщение найденных языковых примеров потребовали применение статистического метода исследования, способствующего установлению закономерностей функционирования личного имени в малых жанрах фольклорного дискурса.

Фольклорная картина мира лежит в основе концептуальной картины мира языковой личности, она выражает древние знания о мироустройстве, ее можно признать ядром наивной картины мира носителя языка. Она взаимодействует с религиозной, научной и философской картинами мира. По словам Е. И. Головановой, фольклорная картина мира, «допуская редкие утраты и приобретения, связанные с эволюцией народного сознания, в целом сохраняет традиционное мировосприятие», в отличие от языковой, которая тесно связана с предметно-практической деятельностью людей, а потому одновременно статична и динамична [8, с. 42–43].

Китайская антропонимическая система относится к мифологическому типу, из чего следует возможность именования человека любым нарицательным существительным, которое только в контексте понимается как личное имя. Мифологическое мышление характерно для китайской и для русской фольклорной картины мира в качестве архаической формы осмысления жизни, в которой соединились первобытные верования с образным отношением к миру. Особенностью мифологического мышления следует считать и неотделимость индивидуального сознания от группового, образа – от предмета. Все эти черты обнаруживаются в малых жанрах фольклора, послуживших языковым материалом нашего исследования.

Функционирование личного имени в фольклорном тексте определяется не только его жанровыми особенностями, но и лингвокультурной спецификой самого имени. Как показало исследование китайского и русского личного имени собственного, различается как объем самого понятия – личное имя, так и возможности его введения в пословицы, поговорки, загадки и другие малые жанры фольклора.

Личное имя собственное включается практически во все малые жанры русского и китайского фольклора, однако по частотности использования на первом месте стоят пословицы и поговорки. Пословицы, в отличие от поговорок, представляют собой законченное суждение о жизни, отражающее всё многообразие человеческих отношений: «Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый

всеми». По словам В. И. Даля, пословицы, как и поговорки, связаны с определенной речевой ситуацией, произносятся «по случаю». Говоря о пословице как о своеобразной притче, Владимир Иванович Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа» отмечал, что «полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» [9, с. 13].

Выделение устойчивых единиц в китайской фразеологии связано с представлением об их объеме. Традиционными типами устойчивых единиц являются следующие: чэньюй (成語) – идиома, идиоматическое выражение. Например, 嫦娥奔月 – Чан Э улетает на Луну, что значит «стать бессмертной». Чан Э и ее муж Хоу – герои китайских мифов; яньюй (諺語) – «пословицы», например, 人中吕布 · 马中赤兔 – талантливый человек как Люй Бу, а самая лучшая лошадь – превосходный рысак. Обычно говорится о том, кто очень талантлив. Люй Бу – генерал и полководец китайской эпохи Троецарствия, этот образ непобедимого воина представлен в историческом романе XIV в. «Троецарствие».

Помимо яньюй, во фразеологической системе китайского языка существуют сехоуюй – особая разновидность речений, которые состоят из двух частей: первая часть – сравнение, вторая – разъяснение данного сравнения.

Сехоуюй (歇后语) также называются недоговорками, поскольку вторая часть часто опускается, как это происходит и в русских пословицах. Например, 陈世美不认秦香莲 – 喜新弃旧 – Чэнь Шимэй не признает Цинь Сянлянь – «увлекаться новым и забыть старое» (о непостоянстве в чувствах). «Китайская недоговорка характеризуется как речение, насыщенное юмором, представляющее собой шутку, остроту. Кроме игры слов, юмор сехоуюев может быть обусловлен и другими факторами, например юмором собственного контекста, использованием различных стилистических тропов, а также рядом других средств, которые структура недоговорки позволяет употреблять» [10]. Китайские имена индивидуальны, поэтому в фольклорных текстах не встречаются общие (групповые) имена собственные, как в русском паремииологическом фонде.

Введение антропонимов в русские пословицы определяется двумя причинами: во-первых, это необходимость зарифмовать суждение, чтобы его было легко запомнить; во-вторых, введение имени определяется содержанием самого речения. По нашим наблюдениям, наиболее частотным мужским именем, используемым в русских пословицах, является Фома. Этот антропоним чаще используется в целях создания

рифмы, например: *Горюет Фома, что пуста у него сума. Не бей Фому за Еремину вину. Потужи о себе, а там и о Фоме. Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой. Ты ему про Фому, а он – про Ерему.* В некоторых пословицах Фома предстает богатым человеком (в именниках это имя относилось к сословию купцов), но как только он лишается своего богатства, отношение к нему меняется: *Фома – большая крома. У богача денег – что у зюзи грязи; У Фомушки денежки – Фомушка Фома; У Фомушки ни денежки – Фомка Фома.*

Вторым по частотности введения в пословицы можно назвать русское имя Иван. В некоторых пословицах Иван получает позитивную оценку своих качеств или действий, например: *Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал.* Однако в большинстве контекстов Иван предстает человеком, лишенным таланта (<счастья, удачи, прибыли>), бедным, голодным, испытывающим нужду, как и создатели пословиц: *В одном кармане Иван тощий (или: постный), в другом Марья леготишина. Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник. Нашему Ивану нигде нет талану. По Ивашке и рубашка.* Концептуализируя имя Иван, русское фольклорное сознание маркировало его как «наш», это групповое имя собственное, обозначающее любого крестьянина.

Диминутивы в русских пословицах свидетельствуют о том, что речь идет о «своем», близком человеке, и каждый может оказаться в подобной ситуации. Именно поэтому и отношение к названному человеку хотя и ироничное, но доброжелательное, например: *У нашего Андрюшки ни полуполушки. Богат Мирошка, а животов – собака да кошка. Горькому Кузьеньке горькая и песенка.*

Большинство женских имен употребляются в негативном контексте, однако отрицательное отношение выражается не столько к имени, сколько к ситуации в целом, например: *Хороша Маша, да не наша.* В этой пословице не обязательно идет речь о человеке, «она может употребляться и в более широком смысле: «данное дело недоступно нам вследствие недостаточных возможностей (например, физических сил, некрасивости и т. п.), недостаточного образования» [11, с. 200].

Имя Маланья (Мелания) вводится в текст нескольких пословиц, но смысл этих речений разный. Общеизвестное выражение *варить (наварить), готовить (наготовить) напечь как (будто, словно, точно, ровно) на маланьину свадьбу*, означающее <в изобилии, в большом количестве> связано с русским народным обычаем перед Новым годом (31 декабря), т. е. в день Святой Мелании по церковному календарю готовить очень много кушанья, которое раздавалось молодежи всего поселка. В сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля это имя входит в две

пословицы: в первой введение имени определяется созданием рифмы: *Какова Маланья, таково ей и поминанье.* Вторая представляет картину аномального поведения человека: *Дали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены неладно».* Интересно, что обе пословицы содержат отсылку к семантическому полю, включающему лексемы, связанные с пищей: *поминанье, оладьи, испечены.* Диминутив *Малашка* также используется в пословице о еде: *С голоду Малашке и алашки в честь (всласть)* (ср. подобную пословицу с мужским именем – *Голодному Федоту и щип в охоту*). Семантика подобных пословиц обобщает жизненные ситуации, в которых человек должен довольствоваться малым, если не имеет ничего, причем негативно оценивается желание иметь больше или лучше.

Большая группа русских пословиц и загадок содержит имена известных православных святых: *Проси Николу, а он спасу скажет. Лучшие брани – Никола с нами. Летел тень на Петров день, сел тень на пень, стал тень плакать: волосы вянут, дубрава шумит (коса). Летит птица крутоносенькая, несет тафту крутожелтенькую; еще та тафта ко Христу годна (пчела).*

Загадка как малый жанр фольклора – это «мудреный вопрос, поданный в форме замысловатого краткого, как правило, ритмически организованного описания какого-либо предмета или явления» [12, с. 54]. Исследователи сходятся во мнении о функции загадки – развивать догадливость, сообразительность в человеке. Однако, как справедливо замечает известный ученый В. П. Аникин, «...загадка – это поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [12, с. 56]. Анализ русских загадок подтверждает эту мысль о поэтичности как одной из важных характеристик этого жанра. Обычно русские загадки имеют в своей основе метафорический перенос, омонимы, различного рода звукопись. Фонетический облик слова используется, например, в загадке, в которой необходимо выяснить причину невозможности действия: *Ты не съешь огурец соленый* (в транскрипции – [с\л'онъй]), в ответе женское личное имя: *с Оленой.* Китайские загадки основаны чаще на графическом облике слова, так называемые иероглифические загадки, реже – на явлении омофонии.

Из 2494 загадок сборника Д. Садовникова [13] всего 7 % составляют загадки с личными именами (340). Большинство русских личных имен фиксируется в тексте самой загадки, некоторые имена представляют собой отгадку. В русской загадке преобладает мужское имя – 113 неповторяющихся имен, в числе которых 90 реальных мужских имен, 23 вы-

мышленных. Среди реальных личных имен можно выделить имена, связанные с православием: *Петр* (Петров день, Петровки, Петров понедельник), *Христос* (Спас, Иисус), *Енох*, *Иосиф*, *Лука*, *Лазарь*, *Моисей*, *Иона*, *Ной*, *Адам*, *Илия* и др.

В некоторых загадках личное имя отражает языческие представления русского человека: *Кащей*, *Кикимора*, *Баба Яга*. Например: *Свет Кащей, / Господин Кащей / Сто людей кормил, / Гулять ходил / Головку сломил – / Кости выкинули / Псы не понюхали* (горшок); *Стоит Яга, / Во лбу рога* (печь и воронец). Надо заметить, что воронцами назывались широкие полки, отделяющие чистую часть курной избы от ее черного верха, по которому шел дым из печи.

Функционирование личного имени в русской загадке – проблема лингвокультурного характера, поскольку многие имена представляют собой национально специфичные подставные наименования предмета, бытовавшие в Древней Руси. Например: *Катюха да Палаха, Самсон да Фефел* – это куть, полати, стол и вехоть. Поясним, что все эти лексемы имеют отношение к устройству дома, причем к той его части, которая традиционно считалась женской: слово *куть* (*кут*) означает угол, пространство между устьем русской печи и противоположной стеной, где обычно работала женщина, там же, под потолком между печью и противоположной стеной находились *полати* – широкие спальные нары; *вехоть* – мочало из ветоши (из рваных, старых тряпок или пучка соломы), используемое для мытья или вытирания чего-либо.

Для создания рифмы вводятся также вымышленные имена Нероня и Дороня, причем последнее в разных загадках обозначает то горшок, то дорогу, например: *Умер Дороня, / Никто его не хороня; / Вынесли на улицу – / Ни собаки не едят, / Ни вороны не клюют.* (горшок). *Лежит Дороня / Никто его не хороня; / А встанет – / До неба достанет* (дорога).

Чаще в тексте идет речь о конкретных предметах, что тесно связано со спецификой фольклорного сознания и поэтичностью русской загадки. Об этом пишет В. П. Аникин: «... Не существует образа овоща вообще, но есть огурец, редька, капуста, лук. Не может быть образа животного вообще, но есть корова, лошадь, собака, козел, баран. Их-то, эти конкретности и изображает загадка как художественный жанр, отражающий действительность в образах» [12, с. 75].

Самое популярное мужское имя в загадках – *Иван*, вводимое в разных вариантах (с отчеством и без него, имя и фамилия) и формах имени: *Иван Иванович, Иван Русаков* (Пятаков, Ермаков, Колпаков, Толмачев, Дураков), например: *Есть ли таков, как Иван Русаков? / Сел на конь и поехал в огонь* (горшок, чугун). Иван – личное

имя, которым обычно называют русского человека, по функции аналогично нарицательному имени. В загадку вводится и фамилия, указывающая на русское происхождение, что усиливает семантику национальной обусловленности предметов, загаданных в фольклорном тексте.

Диминутив *Ванька* вводится в загадку, представляющую собой диалог, что встречается достаточно редко:

- *Ванька* малый, где был?
- У Тули.
- Что видел?
- Алхирея.
- В чем он?
- В черной шубе и кольцо у губи (медведь).

Второе место по частотности занимает диминутив имени Антон – *Антошка / Янтошка*, причем в большей части загадок с этим именем отгадка связана с жилищем или природными явлениями: *Выгляну в окошко: / Стоит долгий Антошка/Янтошка* (угол у избы). *Погляжу я за окошко: / Стоит долгий Антошка* (месяц). *Посмотрю я в окошко: / Идет длинный Антошка* (дождь). Хотя встречаются загадки, где это имя скрывает конкретный предмет, например, гриб, светец, капусту: *Стоит Янтошка / На одной ножке* (светец); *Антошка низок / На нем сто ризок* (кочан капусты).

Явно отрицательное отношение к питейным заведениям выражено в загадке, где личное имя обозначает кабак: *Выгляну в окошко: / Стоит долгий Антошка, / В нем суло и масло, / И смерть человечья* (кабак). Вероятно, в подобных загадках с мужским именем преобладает женский взгляд на жизненные явления и предметы быта, поскольку в них содержится негативная оценка того, что разрушает семейное счастье.

В русских загадках часто используются диминутивы имени, выражающие позитивное отношение к предметам крестьянского быта, что типично для более эмоционального отношения к миру, характерного для женщин: *Маленький Фанасик / Лычком подпоясан* (сноп). *Филька повадился к девке* (застежка). *Маленький Данилка / В петелку удавился* (пуговка).

Женские имена в текстах загадок не отличаются разнообразием. Наиболее частотное имя Мария в разных формах: *Марья, Марья царевна, Маня, Марья Семеновна* (Рановна, Петровна, Хохловна). Например: *Дарья с Марьей / Часто видятся, / Не обоймутся* (пол и потолок), *Два подъячих / Водят Марью вертячу* (петли и дверь). Имя и отчество обозначает кошку, что, вероятно, связано с особым положением этого животного в доме: *Вышло чудо / Из-за печуры* (из подполья), *Спрашивает чудо / У царя Растворки* (Крикуна): / «Где живет Марья Хохловна?» (мышь, сверчок, кошка).

В китайских загадках, в отличие от русских, личное имя чаще вводится в качестве ответа, в вопросе используется редко: на 1000 загадок из сборника китайских загадок, составленного Янь Лайган, – 人名趣味谜语1000条 («1000 интересных загадок с личным именем») [14] всего 130 имеют имя в вопросе, причем это конкретные имена, называющие известных людей или литературные персонажи. Обычно в китайских загадках применяется для «зашифрования» смысла метод идеограммы или метод омофонии, например: 关羽古城遇张飞 – 叔仲会 Гуань Юй встречает Чжан Фэй в старом городе (встреча между братьями). Чжан Фэй – известный полководец времен Троецарствия, Гуань Юй – военачальник царства Шу эпохи Троецарствия и один из главных героев средневекового романа «Троецарствие». По преданию, в конце Ханьской эпохи Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй дали друг другу клятву и стали названными братьями.

Среди мужских имен часто вводятся в качестве ответа имя Лю Сюаньде, одного из наиболее могущественных полководцев эпохи Троецарствия, а также Сюаньюань – «желтый предок», император Хуан-ди, по месту рождения на холме Сюань-юань, имя родоначальника китайской нации.

В русской лингвокультуре детский фольклор представлен большим количеством малых жанров, нежели в китайской, где личное имя обнаруживается лишь в колыбельных песнях и считалках. Колыбельные песни представляют собой небольшие по объему тексты, ритмически организованные и выполняющие определенную функцию – погрузить ребенка в состояние сна [15]. Например: *Баю, баю, бай, / Баю дитятко! / Сон ходит по лавке, / Дрема по другой. / Они ищут-поищут / И Ванюшку. / Уж она его найдут. / Да и спать укладут; / Не захочет Ваня спать, – / Колотушек надают, / Колотушек двадцать пять. / Будет Ваня крепко спать.*

Ой, люлю, мое дитятко, / Спи-тко, усни, дитя материно. / Все ласточки спят, и касатки спят, / И куницы спят, и лисицы спят, / Нашему Ванюше спать велят, / Для чего, зачем Ванюше не спать? / Ласточки спят все по гнездышкам, / Касаточки спят все по норочкам, / Соколы спят все по гнездышкам, / Соболи спят, где им вздумалось, Маленькие детки в колыбельках спят. / Спи-ка, Ванюшка, / Спи-ка, дитятко родное.

Очевидно, русская колыбельная песня, как и пестушки, заговоры-шутки, представляет собой определенную модель фольклорного текста с факультативным личным именем, которое может быть изменено в соответствии с изменением референта. Например, в тексте колыбельной с женским именем можно ввести любое женское личное имя, соответствующее ритму песни: *Баю, бай, баю, бай, / Ты, собачка, не*

лай, / Белолопа, не скули, / Нашу Лену (Иру, Маишу) не буди. Если ребенок ушибся, испытывает боль, то обычно близкие используют заговор-шутку: *У кошки боли, / У собаки боли, / У лошадки боли, / А у Ванюшки (Сашеньки, Колюшки) не боли.*

Китайские народные колыбельные песни редко используют личное имя. Это может быть вымышленное имя, соответствующее содержанию песни, например, ребенок по имени Половина (半半) из одноименной колыбельной:

有个孩子叫半半, / 起床已经七点半 · / 鞋子穿一半, / 脸儿洗一半 · / 早饭吃一半 · / 课本带一半 / 上学路上半半跑, / 光着一只小脚板 – Есть один ребенок, его зовут Половина. / Он встает утром в семь с половиной, / Надевает только половину обуви, / Моет только половину лица, / Ест тоже половину завтрака, / Берет с собой только половину учебников, / По дороге прыгает на одной ноге, потому что вторая нога без ботинка (перевод наш. – Ван И). Интересно, что личное имя в этом тексте может обозначать как мальчика, так и девочку, т. е. маленький ребенок в сознании китайцев не имеет четких гендерных характеристик, хотя обычно ассоциируется с мужским началом, поскольку, как и в русской лингвокультуре, человек в фольклорном сознании – это прежде всего мужчина.

Традиционным для китайского фольклорного текста, в том числе текста колыбельной песни, считается введение имени литературного героя, например, такого, как обезьяна Сунь Укун (唐僧), или другие персонажи классического фантастического романа «Путешествие на Запад», написанного в XVI в.: *唐僧骑马咚那个咚, 后面跟着个孙悟空. / 孙悟空, 跑得快, 后面跟着个猪八戒, / 猪八戒, 鼻子长, 后面跟着个沙和尚. / 沙和尚, 挑着箩, 后面来了个老妖婆... – Танский монах на лошади едет, рядом с Сунь Укун. / Сунь Укун быстро бежит, за ним следует Чжу Бацзе. / Чжу Бацзе, длинный нос, за ним следует Монах Ша. / Монах Ша на плечах таскает тяжести, а за ними идет старая ведьма... (перевод наш. – Ван И).*

Таким образом, анализ функционирования личного имени в малых жанрах русского и китайского фольклора позволяет сделать некоторые выводы. Личное имя в китайском фольклорном тексте отсылает либо к известному литературному произведению, либо к историческому факту или мифу. Чаще всего это имя конкретного персонажа классической литературы, действительного исторического лица или божества. Русские фольклорные тексты тоже довольно часто используют библейские имена, имена православных святых. В текстах русских загадок личное имя святого функционирует не только в отгадке, но и в самой загадке, так или иначе связанной с православной традицией, отражающей религиозную со-

ставляющую фольклорного сознания. В русской лингвокультуре детский фольклор обладает большим количеством малых жанров, нежели в китайской, где личное имя обнаруживается лишь в колыбельных песнях и считалках. Русские колыбельные песни, в отличие от китайских, представляют собой определенную схему, модель, в которую можно ввести мужское или женское имя, соответствующее ритму и рифме текста. В китайские колыбельные чаще вводится либо оригинальное личное имя, созданное для выражения определенного содержания, либо общеизвестное, чаще имя персонажа классической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен / А. В. Суперанская // Антропонимика. – М., 1970. – С. 7–17.
2. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. – Режим доступа: <https://profilib.net/chtenie/68779/igor-golovanov-konstanty-folklornogo-soznaniya-v-ustnoy-narodnoy-proze-urala-xx-xxi-vv.php>
3. Коростова С. В. Антропонимы в русской и китайской волшебной сказке / С. В. Коростова, Ван И // Проблемы общей и региональной ономастики : Материалы X Междунар. науч. конф. – Майкоп : редакционно-издательский отдел АГУ, 2016. – С. 116–119.
4. Хамаева Е. А. Антропонимы в ономастической системе мифологического типа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Хамаева. – Иркутск, 2012. – 22 с.
5. Ли Чэньчэнь. Функционирование имени собственного в аспекте билингвизма (на материале русского и китайского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чэньчэнь Ли. – Иркутск, 2012. – 26 с.
6. Гусев В. Е. Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. – Л. : Наука, 1967. – 320 с.
7. Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин / В. П. Аникин. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 332 с.
8. Голованова Е. И. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира : точки соприкосновения и различий / Е. И. Голованова, И. А. Голованов, И. Г. Казачук // Научный диалог. – 2016. – № 8 (56). – С. 34–35.
9. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 990 с.
10. Барчукова К. В. Фразеология в китайском языке / К. В. Барчукова [и др.]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/98/22035/>
11. Русские пословицы и поговорки : учеб. словарь / В. И. Зимин [и др.]. – М. : Школа-Пресс, 1994. – 320 с.
12. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор : пособие для учителя / В. П. Аникин. – М., 1957. – 239 с.
13. Садовников Д. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притчей и задач / Д. Садовников. – СПб., 1876. – 333 с.
14. 鄢来刚 人名趣味谜语1000条 长江文艺出版社 2014. – 131 с.
15. Мельников М. Н. Русский детский фольклор / М. Н. Мельников. – Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/1/0479/1_0479-42.shtml#book_page_top

REFERENCES

1. Superanskaya A. V. *Yazykovye i vneyazykovye assotziatsii sobstvennykh imen, Antroponimika* [Linguistic and Non-Linguistic associations of personal names, Anthroponymics]. Moscow, 1970. P. 7–17.
2. Golovanov I. A. *Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoj narodnoj proze Urala (XX-XXI cent.)*. [The Constants of Folklore Consciousness in the Oral Folklore Prose of the Urals]. Available at: <https://profilib.net/chtenie/68779/igor-golovanov-konstanty-folklornogo-soznaniya-v-ustnoy-narodnoy-proze-urala-xx-xxi-vv.php>
3. Korostova S. V., I Van. *Antroponimy v russkoj i kitajskoj volshebnoj skazke* [Anthroponyms in the Russian and the Chinese Fairy Tale]. In *Problemy obshhej i regional'noj onomastiki: Materialy K Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. [The Problems of General and Regional Onomastics: Materials for the International Scientific Conference]. Majkop: Editorial and Publishing Department of AGU, 2016. P. 116–119.
4. Khamaeva E. A. *Antroponimy v onomasticheskoj sisteme mifologicheskogo tipa*. [Anthroponyms in the Onomastic System of the Mythological Type]. Dissertation abstract. Irkutsk, 2012. 22 p.
5. Li Chehn'chehn'. *Funktsionirovanie imeni sobstvennogo v aspekte bilingvizma (na materiale russkogo i kitajskogo yazykov)*. [Functioning of the Personal Name in the Aspect of Bilingualism (on the material of Russian and Chinese languages)] Dissertation abstract. Irkutsk, 2012. 26 p.
6. Gusev V. E. *Ehstetika fol'klora* [Folklore Aesthetics] Leningrad: Nauka, 1967. 320 p.
7. Anikin V. P. *Teoriya fol'klornoj traditsii i ee znachenie dlya istoricheskogo issledovaniya bylin* [The Theory of Folklore Tradition and its Importance for the Historical Study of Epic Poems]. Moscow: MGU, 1980. 332 p.
8. Golovanova E. I., Golovanov I. A., Kazachuk I. G. *Yazykovaya kartina mira vs. fol'klornaya kartina mira: tochki soprikosnoveniya i razlichij* [Linguistic Worldview vs. Folklore Worldview: similarities and differences]. In *Nauchnyj dialog*. 2016. Issue 8 (56). P. 34–35.
9. Dahl V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1957. 990 p.
10. Barchukova K. V., Peskova A. V., Podkidysheva E. I., Skromnykh V. E. *Frazeologiya v kitajskom yazyke*. [Phraseology in the Chinese Language]. Available at: <https://moluch.ru/archive/98/22035/>

11. Zimin V. I., Ashurova S. D., etc. *Russkie poslovitsy i pogovorki: Uchebnyj slovar'* [Russian Proverbs and Sayings: Educational Dictionary]. Moscow: Shkola-Press, 1994. 320 p.

12. Anikin V. P. *Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor*. [Russian Folklore Proverbs, Sayings, Riddles and Children's Folklore]. Moscow, 1957. 239 p.

13. Sadovnikov D. *Zagadki russkago naroda. Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadac"* [Riddles of the Russian People. A Collection of Riddles, Questions, Fables and Puzzles]. S.-Petersburg, 1876. 333 p.

14. 鄢来刚 人名趣味谜语1000条 长江文艺出版社 2014. – 131 p.

15. Mel'nikov M. N. *Russkij detskij fol'klor* [Russian Children's Folklore]. Available at: http://pedlib.ru/Books/1/0479/1_0479-42.shtml#book_page_top

Южный федеральный университет
Ван И, аспирант кафедры русского языка
E-mail: 2548606672@qq.com

Southern Federal University
Wan Yi, Post-graduate Student of the Russian Language
Department
E-mail: 2548606672@qq.com